

БУНТОВЩИЦА

ПРОЗА

ЕЛИЗАВЕТЫ

АЛЕКСАНДРОВИЧ-ЗОРИНОЙ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

СЛОМАННАЯ КУКЛА

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

ТРИ СЕМЕРКИ

ЕЛИЗАВЕТА
АЛЕКСАНДРОВА-ЗОРИНА

ТРЕТЬ ЖИЗНИ
МЫ СПИМ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление серии *С. Власова*

Фотография автора *И. Полярной*

Иллюстрация на переплете *Н. Ларина*

Александрова-Зорина, Елизавета Борисовна.
А46 Треть жизни мы спим : [роман] / Елизавета Александрова-Зорина. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Бунтовщица. Проза Елизаветы Александровой-Зориной).

ISBN 978-5-04-091208-7

Он — неудавшийся писатель. Ему пятьдесят. Его философия — жить ради жизни, наслаждаться каждым днем, любой встречей, находить красивое в обыденном и сложное в простом. Она — актриса. Ей нет и двадцати. На сцене она с пяти лет, и, сыграв сотни чужих характеров, она осталась без своего... У нее нет собственных чувств, переживаний, мыслей. Она как белый лист бумаги... У обоих в запасе очень мало времени. За несколько оставшихся для жизни месяцев им нужно успеть ответить на свои вопросы и исполнить свои мечты.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова-Зорина Е., текст, 2018
© Полярная И., фотография
на переплете, 2018
© Ларин Н., иллюстрация
на переплете, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-091208-7

I стадия

Все, что было до этого дня, не имело значения. Он кем-то был, где-то жил, о чем-то думал, был не стар и не молод, не скучен и не душа компании, не подлец и не святой, не дурак, но и не семи пядей во лбу, обычный мужчина, с уже седеющими висками и редкими волосами на макушке, которые приходилось зачесывать немного набок, пряча лысину, что, впрочем, не мешало ему нравиться женщинам, с наметившимся животом и щетиной, которая в его возрасте растет так быстро, что, бреясь дважды в день, утром и вечером, он все равно оставался слегка небрит, с двухкомнатной квартирой, выходившей окнами на бульвар, в хорошем доме — в нем почти не сохранилось жилых этажей, а были офисы, рестораны и бутики, с бывшей женой, оставшейся ему хорошим другом, с десятками женских имен в записной книжке, с банковским счетом, на котором ничего не было, с пятьюдесятью пятью годами, прожитыми кое-как, по привычке, и необязательным, но строго соблюдавшимся распорядком дня, дававшим ему ощущение спокойной удовлетворенности. А потом врач, опустив глаза, посоветовал ему сделать дополнительные анализы, бормоча какие-то дежурные фразы о том, что болезнь легче предупредить, чем вылечить, а ранняя диагностика

помогает справиться даже с самыми страшными диагнозами, и выписал направление на биопсию. Он стал уверять врача, что прекрасно себя чувствует, но тот, пожав плечами, ответил, что дело, конечно, его, но лучше не рисковать и провериться, к тому же чем раньше, тем лучше.

Результаты анализов нужно было ждать целый месяц, и он, когда после биопсии перестала появляться кровь в сперме, вовсе о них забыл в житейской суете, о которой и думать-то теперь смешно, пока вдруг не вспомнил в тот момент, когда одна из его любовниц, бухгалтер при платном отделении больницы, приезжавшая изредка, чтобы скрасить его и свой вечер, спешно раздевшись, прильнула к нему, а он зарылся лицом в ее волосы, почувствовав резкий запах карболки. Утром, закрыв за любовницей дверь, он позвонил в поликлинику, но медсестра ответила, что не имеет права сообщать результаты по телефону, а он, поморщившись, потому что не любил, когда ему отказывали, не придавал значения ее настороженному голосу и, отметив в записной книжке день и час, записался на прием. Когда ехал в поликлинику в трамвае, грохотавшем по узким, вертлявым проулкам, о возможном диагнозе почти не вспоминал, хотя знал, что врач заподозрил у него онкологию, мужской рак, как, смягчая удар, назвал тот его, добавив, что им болеет каждый седьмой мужчина за пятьдесят, а равнодушно скользил взглядом по сутулым прохожим, мелькавшим за окном, и лениво думал о том, что нужно купить говяжью поджарку на ужин и заплатить за свет и воду, что ноет бедро, которое он не иначе как застудил, и, возможно, стоит зайти в аптеку за мазью, что девушка в розовом плаще, стоящая на перекрестке,

хороша собой, что в салоне трамвая душно и почему-то пахнет паленой резиной, что он стал старейшим пассажиром, а остальные, те, кто сел с ним на одной остановке, уже давно вышли, и что сейчас без пяти три, и ему давно бы пора приехать, в общем, он думал о чем угодно, только не о том, что, возможно, смертельно болен.

А в поликлинике врач, его ровесник, худощавый, жилистый, с плаксивым лицом, отводя глаза, сказал, что у него подтвердился рак предстательной железы, двенадцать из двенадцати фрагментов биопсии выявили аденокарциному девять по глиссону, и в повисшем молчании капли, стуча по умывальнику из плохо закрытого крана, отсчитывали секунды как метроном. Медсестра, молоденькая, смазливая, вчерашняя студентка, еще не привыкшая к своей работе и не огрубевшая от чужих страданий, смотрела на него с любопытством, кусая губы, а он без особой похоти, просто по привычке, пялился на эти губы, пухлые, чуть подкрашенные, с широкой продольной складкой, и гадал, отчего в жизни все так нелепо, тебе выносят приговор, а ты думаешь о женских губах. Сколько же мне осталось, наигранно спросил он, чтобы не молчать, и собственный голос показался ему чужим. Я не гадалка, ответил врач и, смутившись, откашлялся в кулак. Так, может, к черту операцию, пару лет веселой жизни в свое удовольствие, чем неизвестно сколько, но без секса и в подгузниках, к тому же мне пятьдесят пять, кто знает, сколько мне вообще осталось. Но врач, зевнув в кулак, дал понять, что решать не ему, а каким будет это решение, ему совершенно безразлично, тем более что они больше никогда не увидятся, не говоря уж о том, что урологам в поликлинике платят

за осмотр пациентов, а не за доверительные беседы о смысле жизни. Но когда он встал, собираясь уходить, врач, чувствуя неловкость за свой резкий тон, решил это сгладить и, откинувшись на спинку стула, рассказал о ливийском террористе абделе бассет аль-меграхи, который в восемьдесят восьмом году убил триста человек, взорвав самолет, и отбывал пожизненное в английской тюрьме, пока у него не обнаружили последнюю, крайне тяжелую стадию рака простаты, при которой жить ему оставалось два-три месяца, не больше, но не волнуйтесь, у вас еще все не так серьезно, так вот в европе оказались довольно странные понятия о гуманизме, так что аль-меграхи, которому, кстати, было пятьдесят семь, из лучших, возможно, побуждений и этических соображений, русским людям совершенно непонятным, отпустили на родину, но смерть, насмехаясь над европейским правосудием и высшей справедливостью, земной справедливостью, не небесной, не торопилась за террористом, и, пользуясь всеми достижениями ливийской медицины, тот прожил еще три года, дотянув до шестидесятилетнего юбилея, жаль, история умалчивает, весело ли его справил.

Из врачебного кабинета он вышел, сжимая выписку с диагнозом, и, равнодушно взглянув на сидевших в очереди мужчин, молодых и старых, потащился по коридору, повторяя под нос: аденокарцинома, аденокарцинома девять по глиссону, но сколько он ни проговаривал этих слов, ему не удавалось примерить их на себя, словно все это был сон или ошибка, да-да, ошибка, и болезнь не имела к нему никакого отношения. Врач сказал, что рак простаты, даже такой запущенный, в наше время еще не конец, а

потом пробормотал что-то о повышенной щелочной фосфатазе в его анализах и возможных метастазах в костях, но он пропустил это мимо, а теперь гадал, не вернуться ли ему обратно, чтобы переспросить, и все же, отмахнувшись, решил, будь что будет. Первый испуг сменился странным чувством, будто с ним ничего не может случиться дурного, мало ли существует болезней, миллион, если верить интернету, даже от гриппа рискуешь умереть, просто само слово рак по привычке пугает, а ведь медицина шагнула далеко, рак для врачей теперь тоже что-то вроде гриппа. Но эта легкость быстро слетела с него, как сорванная ветром шляпа, и страх выступил потом на лбу. Ему захотелось плакать, как маленькому, и, приставая к прохожим: спешащей мимо женщине с набитыми сумками, молодому парнишке, курившему сигарету, лохматому бродяге, выставившему увечную ногу и положившему перед собой вместо шапки женскую кожаную сумочку, порезанную сбоку, с биркой дорогой фирмы, чьи сумки стоят не меньше тысячи долларов, и где он только ее нашел, двум старушкам, которые, усевшись на скамейку, достали термос и бутерброды, маленькой девочке в вязаной шапке, ведущей на поводке абрикосового пуделя, женщине, на ходу поправляющей помаду на губах, поглядывая вместо зеркала в экран мобильного телефона, пожаловаться им всем — и девочке, и бродяге, и парнишке, и старухам, и женщине — представляете, у меня рак, надо же, рак, кто бы мог подумать, с чего вдруг, мне ведь всего пятьдесят пять, а врач что-то сказал про метастазы в костях, в моих костях, вот в этих, которые вы можете нащупать, впрочем, не надо, не стоит, зачем вам это.

Домой он отправился пешком, и с каждым шагом у него тяжелело на сердце. Опустившись на скамейку в маленьком сквере, стал разглядывать выписку, в которой ни черта не понимал, кроме одного: что теперь с ним будет, неизвестно. Зазвонил мобильный, и, сняв трубку, он все выложил другу, с которым вот на этом же бульваре, а может, на соседнем, они пили пиво лет эдак тридцать назад, и друг, присвистнув, внимательно выслушал его и неуместно пошутил про второе сердце мужчины, сказал пару ободряющих фраз, мол, все будет хорошо, медицина знаешь какая стала, и не такое сегодня вылечивают, а потом, без всяких предисловий, перешел на недостроенную дачу, трехэтажную, с двумя пристройками и подземным гаражом, которым очень гордился, они еще вместе обсуждали его проект, а через десять минут, сославшись на жену, которая, кстати, передает большой привет и приглашает в гости, ведь они сто лет не виделись, попрощался. И тогда он, теребя в руках телефон, вдруг подумал, вспомнив, сколько лет друг занят этой дурацкой стройкой: а ведь я, может, не доживу до того дня, когда дача будет достроена, и эта внезапная мысль, такая житейская и пустая, иголкой вонзилась в грудь. Он зачем-то набрал номер любовницы, при воспоминании о которой в нос ударил запах карболки, решив, что именно ей нужно позвонить первым делом, ведь в конце концов, хоть и бухгалтером, а все же работает в больнице, но любовница долго не снимала трубку, и когда все же ответила на звонок, удивленная его настойчивостью, раздраженно прошептала, что до конца месяца не приедет к нему, нечего и названивать. У меня рак, плаксиво сказал он, и проходившие мимо женщины, чернявые, полные,

рано состарившиеся, наверное, приехавшие с юга, обернулись, задержав на нем взгляд. На том конце вскрикнули, и он, расстегнув ворот пальто, вытер ладонью взмокшую шею, рак на третьей стадии, и врач что-то говорит мне про метастазы. Чернявые женщины еще раз обернулись, с неподдельным любопытством, даже сочувствием, оглядев его, но любовница, пробормотав, что перезвонит позже, после работы, положила трубку. Он продолжал прижимать мобильный к уху, вслушиваясь в тишину, и ему казалось, что та перетекает из телефона прямо в голову, наполняя ее пустотой, и эта пустота бежит по венам, сворачивается в желудке, заполняет каждую клеточку, а сам он, уже пустой изнутри, вот-вот будет изъеден пустотой, словно ржавчиной, и, продуваемый насквозь ветром, растворится, как будто его никогда и не было, а на скамейке останется лежать его костюм, специально выглаженный для поликлиники, старая шляпа, трилби, сшитая на заказ лет пятнадцать назад, папка со справками, снимками, медицинскими выписками и мобильный телефон, который он еще недавно носил в нагрудном кармане, как ребенка под сердцем, а теперь ненавидел, словно это телефон был виноват в том, что в списке контактов сотня номеров, а позвонить-то и некому.

Не паникуй, рак лечится, деловито сказала бывшая жена, когда он все рассказал ей, путаясь и спотыкаясь о медицинские термины, и, для поднятия духа, назвала десяток известных фамилий, актеров, певцов, политиков, которым удалось справиться с этой болезнью, перечислила общих знакомых и кого-то из дальней родни, бывшему начальнику вырезали щитовидку, племянник мужа, совсем еще молодой, заболел

раком почек, и одной у него теперь нет, а в целом все хорошо, троюродному дядьке поставили рак крови и он быстро умер, ах, нет, забудь, зря я его вспомнила. Бывшая была славной женщиной, он никогда не жалел о годах, которые они провели вместе, и вспоминал их с приятными чувствами, впрочем, не жалея и о том, что развелся. С новым мужем та завела детей, о которых всегда мечтала, ушла с головой в домашнее хозяйство, посвятив себя семье, той семье, которую никогда не смогла бы получить рядом с ним, раздражающимся от детского визга и не переносящим всего того, что зовется бытом, слишком эгоистичным и свободолобивым, чтобы быть чьим-то мужем и отцом. В совместной жизни он был невыносим, он знал это и никогда не сердился за то, что бросила его, а радовался их редким встречам, когда жена изменяла второму мужу с первым, и любил дружеские посиделки на его холостяцкой кухне, во время которых бывшая болтала без умолку, доставая сплетни вместе с продуктами из бумажных пакетов. Практичная и деятельная, довольно приземленная, что и сама о себе знала и никогда на свой счет, кстати, не обольщалась, бывшая жена была скорее женщиной без недостатков, чем с достоинствами, если не считать красивую, даже в ее возрасте и после двух родов, грудь. Ей удавалось утешать его в трудные минуты, уверенным тоном давая советы по любым вопросам, даже тем, которые, казалось бы, откуда ей вообще знать, и он звонил ей всегда, когда нужно было поговорить по душам, но сейчас его почему-то раздражал ее бодрый голос, и он сам не мог понять почему. Ты что, не понимаешь, о чем речь, сорвался он на визг. Но ее было не пронять: при правильном лечении выживаемость пятьдесят процентов, стучала бывшая по клавиатуре, выискивая

в интернете что-нибудь успокоительное. То есть пятеро из десяти умрут, прошептал он. Пятеро из десяти выживут, тут же последовало возражение, а у тебя, конечно же, ни копейки на лечение, но не волнуйся, у моего есть связи в департаменте здравоохранения. У меня совсем нет времени, вот чего у меня нет, и я никак не могу этого осознать, сбросил он вызов.

У него была своя философия жизни, нехитрая, но и не без оригинальности, он считал, что жить нужно, наслаждаясь каждым днем, даже если ничего не происходит, а чаще всего именно так и происходило, проживать по полной минуте за минутой, не теряя ни единой даром, потому что нет ничего глупее, чем торопить время, мечтая о том, скорее бы настал тот самый час, день или год, как будто между сегодня и тем самым, как между точками а и б, есть лишь пустой, ничего не значащий отрезок, между тем как этот отрезок и есть жизнь, а что же еще. Прославляя жизнь ради жизни, он был почти эпикурейцем, не боялся богов, не тревожился о смерти, во всяком случае, пока не получил от нее первую повестку, верил, что благо легко достижимо, а зло легко переносимо, и все же не искал удовольствий, как большинство, в потреблении, разве что женщины были его слабым местом, он любил их и ничего не мог с этим поделать, но не был бабником в прямом смысле слова, никому не делал больно, ну, может, когда-то давно, в молодости, да и то по глупости, а к остальному — к деньгам, вещам, еде, карьере, пустым развлечениям — был брезгливо равнодушен. Нет, не в развлечениях было его удовольствие, а в том, чтобы ощущать свою жизнь кожей, каждую минуту, каждое мгновение, каждое чувство, все увиденное, услышанное, испытанное, и хотя его дни,

да что дни, даже годы, были, прямо скажем, бедны на события, он проживал не меньше, а может, и больше, гораздо больше, чем люди с насыщенной, полной происшествий жизнью, не умеющие радоваться любому, самому простому и бесхитростному моменту.

События задевали его не больше, чем случайные прохожие на улице локтем. Он наслаждался ролью наблюдателя, доступной, пожалуй, одному на миллион, и был в числе избранных, умевших находить красоту в обыденном, некрасивом, бытовом, в том, в чем другие, несчастные, никогда эту красоту не увидят. На бульваре, закинув ногу на ногу и потягивая чай из бумажного стаканчика, он вдруг встречал бродягу в шляпе и черных очках, надетых на эту шляпу как вторая пара глаз, в ярких розовых рейтузах, огромных ботинках, на три-четыре размера больше, чем нужно, вонючего, заросшего, но счастливого, с широкой улыбкой идиота, и удивлялся, что прохожие, спешащие куда-то со скучными, кислыми лицами, не обращают никакого внимания на этого колоритного бродягу, но как же можно пропустить его, ведь чудо, да и только, рейтузы, солнечные очки и летняя шляпа в унылом, не по-зимнему дождливом декабре, и эта улыбка, гуляющая по лицу, как кошка, сама по себе, красота посреди тоски и уродства, вот кому нужно проводить курсы психотерапии для жителей мегаполиса, которые живут как во сне и умирают не родившись. Или, листая газету, вдруг замечал, поверх газетных заголовков, бредущую, подволакивая ноги, молоденькую девушку, погруженную в свои мысли, глупые, наивные, волнительные, как у всех подростков, и долго смотрел, без всякого влечения и мужского интереса, на нее, некрасивую, по-детски неуклюжую, но уже по-женски округлившуюся, и думал,

вот же глупышка, не понимает, что проживает лучшее время в своей жизни, потому что ничего лучше наивного подросткового томления, как известно, в жизни и не бывает, а дальше идут только компромиссы, разочарования и несбывшиеся надежды, но девушка этого еще не знала, а он наслаждался моментом за нее, словно бы вновь проживал свою юность, словно бы воровал ее чувства, тайком, исподтишка, прячась за развернутой газетой.

Его каждый новый день был похож на вчерашний, вчерашний на позавчерашний, позавчерашний на позапозавчерашний, и так до бесконечности, до того дня, когда он решил, что будет жить для себя, только для себя, и ни для кого другого, по своим правилам, что бы там окружающие об этом не думали. Утром он просыпался не потому, что нужно было куда-то идти, а потому, что выспался, хотя будильник заводил каждый вечер, больше шутки ради, и по четным числам тот звонил хоралом баха: проснитесь, спящие, а по нечетным будил его интернационалом: вставай, проклятьем заклеянный весь мир голодных и рабов, и это почему-то казалось ему очень смешным, он и сам не знал почему. Открыв глаза, он наслаждался пробуждением, солнечными лучами, падающими сквозь щель между шторами, а еще тем, что никуда не надо спешить, в отличие от миллионов жителей города, в эту самую минуту собиравшихся на работу или даже уже приехавших на нее, а ему и вставать было не обязательно, и если бы взбрело вдруг в голову провалиться в постели до вечера, он бы взял, да и провалялся, ведь сам себе хозяин, и с этими мыслями он еще долго лежал в полудреме, вспоминая сны, если они были приятны, или не вспоминая, если этого не хотелось. Включив радиостанцию с классической му-